

М.А. БУЛГАКОВ

МАСТЕР И МАРГАРИТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б90

Серия «Эксклюзивная классика»

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Булгаков, Михаил Афанасьевич.

Б90 Мастер и Маргарита : [роман] / Михаил Афанасьевич Булгаков. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 512 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-156440-7

Бессмертное, загадочное и остроумное «Евангелие от Сатаны» Михаила Булгакова.

Роман, уникальный в российской литературе XX столетия. Трудно себе представить, какое влияние он оказал на мировую культуру.

На основе «Мастера и Маргариты» снимались и продолжают сниматься фильмы и телесериалы, это произведение легло в основу оперы, симфонии, рок-оперы, его иллюстрировали самые знаменитые художники и фотографы.

Достаточно перечислить лишь немногих создателей произведений, посвященных шедевр Булгакова и им вдохновленных: Анджей Вайда, Эннио Морриконе, Мик Джаггер, Дэвид Боуи.

Чем же заворожила столь разных творческих личностей история о дьяволе и его свите, почтивших своим присутствием Москву 1930-х, о прокураторе Иудеи всаднике Понтии Пилате и нищем философе Иешуа Га-Ноцри, о талантливом и несчастном Мастере и его прекрасной и верной возлюбленной Маргарите?..

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-156440-7

© М. Булгаков, наследники, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	3
Глава 1. НИКОГДА НЕ РАЗГОВАРИВАЙТЕ С НЕИЗВЕСТНЫМИ	5
Глава 2. ПОНТИЙ ПИЛАТ	21
Глава 3. СЕДЬМОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО	52
Глава 4. ПОГОНЯ	58
Глава 5. БЫЛО ДЕЛО В ГРИБОЕДОВЕ	67
Глава 6. ШИЗОФРЕНИЯ, КАК И БЫЛО СКАЗАНО	82
Глава 7. НЕХОРОШАЯ КВАРТИРА	92
Глава 8. ПОЕДИНОК МЕЖДУ ПРОФЕССОРОМ И ПОЭТОМ	106
Глава 9. КОРОВЬЕВСКИЕ ШТУКИ	117
Глава 10. ВЕСТИ ИЗ ЯЛТЫ	128
Глава 11. РАЗДВОЕНИЕ ИВАНА	143
Глава 12. ЧЕРНАЯ МАГИЯ И ЕЕ РАЗОБЛАЧЕНИЕ	147
Глава 13. ЯВЛЕНИЕ ГЕРОЯ	166
Глава 14. СЛАВА ПЕТУХУ!	190
Глава 15. СОН НИКАНОРА ИВАНОВИЧА	201
Глава 16. КАЗНЬ	216
Глава 17. БЕСПОКОЙНЫЙ ДЕНЬ	232
Глава 18. НЕУДАЧЛИВЫЕ ВИЗИТЕРЫ	248

ЧАСТЬ ВТОРАЯ	275
Глава 19. МАРГАРИТА	277
Глава 20. КРЕМ АЗАЗЕЛЛО	294
Глава 21. ПОЛЕТ	300
Глава 22. ПРИ СВЕЧАХ	317
Глава 23. ВЕЛИКИЙ БАЛ У САТАНЫ	334
Глава 24. ИЗВЛЕЧЕНИЕ МАСТЕРА	354
Глава 25. КАК ПРОКУРАТОР ПЫТАЛСЯ СПАСТИ ИУДУ ИЗ КИРИАФА	384
Глава 26. ПОГРЕБЕНИЕ	397
Глава 27. КОНЕЦ КВАРТИРЫ № 50	425
Глава 28. ПОСЛЕДНИЕ ПОХОЖДЕНИЯ КОРОВЬЕВА И БЕГЕМОТА	445
Глава 29. СУДЬБА МАСТЕРА И МАРГАРИТЫ ОПРЕДЕЛЕНА	461
Глава 30. ПОРА! ПОРА!	467
Глава 31. НА ВОРОБЬЕВЫХ ГОРАХ	482
Глава 32. ПРОЩЕНИЕ И ВЕЧНЫЙ ПРИЮТ.	486
ЭПИЛОГ	494

Часть первая

... так кто ж ты, наконец?
— Я — часть той силы, что вечно хочет
зла и вечно совершает благо.

Гете. «Фауст»

Глава 1

НИКОГДА НЕ РАЗГОВАРИВАЙТЕ С НЕИЗВЕСТНЫМИ

В час жаркого весеннего заката на Патриарших прудах появилось двое граждан. Первый из них — приблизительно сорокалетний, одетый в серенькую летнюю пару, — был маленького роста, темноволос, упитан, лыс, свою приличную шляпу пирожком нес в руке, а аккуратно выбритое лицо его украшали сверхъестественных размеров очки в черной роговой оправе. Второй — плечистый, рыжеватый, вихрастый молодой человек в заломленной на затылок клетчатой кепке — был в ковбойке, жеваных белых брюках и в черных тапочках.

Первый был не кто иной, как Михаил Александрович Берлиоз, редактор толстого художественного журнала и председатель правления одной из крупнейших московских литературных ассоциаций, сокращенно именуемой МАССОЛИТ, а молодой спутник его — поэт Иван Николаевич Понырев, пишущий под псевдонимом Бездомный.

Попад в тень чуть зеленеющих лип, писатели первым делом бросились к пестро раскрашенной будочке с надписью «Пиво и воды».

Да, следует отметить первую странность этого страшного майского вечера. Не только у будочки, но и во всей аллее, параллельной Малой Бронной улице, не оказалось ни одного человека. В тот час, когда уж, кажется, и сил не было дышать, когда солнце, раскалив Москву, в сухом тумане валилось куда-то за Садовое кольцо, — никто не пришел под липы, никто не сел на скамейку, пуста была аллея.

— Дайте нарзану, — попросил Берлиоз.

— Нарзану нету, — ответила женщина в будочке и почему-то обиделась.

— Пиво есть? — сиплым голосом осведомился Бездомный.

— Пиво привезут к вечеру, — ответила женщина.

— А что есть? — спросил Берлиоз.

— Абрикосовая, только теплая, — сказала женщина.

— Ну давайте, давайте, давайте!..

Абрикосовая дала обильную желтую пену, и в воздухе запахло парикмахерской. Напившись, литераторы немедленно начали икать, расплатились и уселись на скамейке лицом к пруду и спиной к Бронной.

Тут приключилась вторая странность, касающаяся одного Берлиоза. Он внезапно перестал икать, сердце его стукнуло и на мгновение куда-то провалилось, потом вернулось, но с тупой иглой, засевшей в нем. Кроме того, Берлиоз охватил необоснованный, но столь сильный страх, что ему захотелось тотчас же бежать с Патриарших без оглядки. Берлиоз тоскливо оглянулся, не понимая, что его напугало. Он побледнел, вытер лоб платком, подумал: «Что это со мной? Этого никогда не было... сердце шалит... я переутомился... Пожалуй, пора бросить все к черту и в Кисловодск...»

И тут знойный воздух сгустился над ним, и со-
ткался из этого воздуха прозрачный гражданин пре-
странного вида. На маленькой головке жокейский
картузик, клетчатый кургузый воздушный же пиджа-
чок... Гражданин ростом в сажень, но в плечах узок,
худ неимоверно, и физиономия, прошу заметить,
глумливая.

Жизнь Берлиоза складывалась так, что к необык-
новенным явлениям он не привык. Еще более по-
бледнев, он вытаращил глаза и в смятении подумал:
«Этого не может быть!..»

Но это, увы, было, и длинный, сквозь которого
видно гражданин, не касаясь земли, качался перед
ним и влево и вправо.

Тут ужас до того овладел Берлиозом, что он за-
крыл глаза. А когда он их открыл, увидел, что все
кончилось, марево растворилось, клетчатый исчез,
а заодно и тупая игла выскочила из сердца.

— Фу ты черт! — воскликнул редактор. — Ты зна-
ешь, Иван, у меня сейчас едва удар от жары не сде-
лался! Даже что-то вроде галлюцинации было... — он
попытался усмехнуться, но в глазах его еще прыгала
тревога, и руки дрожали. Однако постепенно он
успокоился, обмахнулся платком и, произнеся до-
вольно бодро: «Ну-с, итак...» — повел речь, прерван-
ную питьем абрикосовой.

Речь эта, как впоследствии узнали, шла об Иисусе
Христе. Дело в том, что редактор заказал поэту для
очередной книжки журнала большую антирелигиоз-
ную поэму. Эту поэму Иван Николаевич сочинил,
и в очень короткий срок, но, к сожалению, ею редак-
тора нисколько не удовлетворил. Очертил Бездо-
мный главное действующее лицо своей поэмы,
то есть Иисуса, очень черными красками, и тем

не менее всю поэму приходилось, по мнению редактора, писать заново. И вот теперь редактор читал поэту нечто вроде лекции об Иисусе, с тем чтобы подчеркнуть основную ошибку поэта.

Трудно сказать, что именно подвело Ивана Николаевича — изобразительная ли сила его таланта или полное незнакомство с вопросом, по которому он писал, — но Иисус у него получился, ну, совершенно живой, некогда существовавший Иисус, только, правда, снабженный всеми отрицательными чертами Иисуса.

Берлиоз же хотел доказать поэту, что главное не в том, каков был Иисус, плох ли, хорош ли, а в том, что Иисуса-то этого, как личности, вовсе не существовало на свете и что все рассказы о нем — простые выдумки, самый обыкновенный миф.

Надо заметить, что редактор был человеком начитанным и очень умело указывал в своей речи на древних историков, например, на знаменитого Филона Александрийского, на блестяще образованного Иосифа Флавия, никогда ни словом не упоминавших о существовании Иисуса. Обнаруживая солидную эрудицию, Михаил Александрович сообщил поэту, между прочим, и о том, что то место в пятнадцатой книге, в главе 44-й знаменитых Тацитовых «Анналов», где говорится о казни Иисуса, — есть не что иное, как позднейшая поддельная вставка.

Поэт, для которого все, сообщаемое редактором, являлось новостью, внимательно слушал Михаила Александровича, оставив на него свои бойкие зеленые глаза, и лишь изредка икал, шепотом ругая абрикосовую воду.

— Нет ни одной восточной религии, — говорил Берлиоз, — в которой, как правило, непорочная дева

не произвела бы на свет бога. И христиане, не выдумав ничего нового, точно так же создали своего Иисуса, которого на самом деле никогда не было в живых. Вот на это-то и нужно сделать главный упор...

Высокий тенор Берлиоза разносился в пустынной аллее, и, по мере того как Михаил Александрович забирался в дебри, в которые может забираться, не рискуя свернуть себе шею, лишь очень образованный человек, — поэт узнавал все больше и больше интересного и полезного и про египетского Озириса, благостного бога и сына Неба и Земли, и про финикийского бога Фаммуза, и про Мардука, и даже про менее известного грозного бога Вицлипуцли, которого весьма почитали некогда ацтеки в Мексике.

И вот как раз в то время, когда Михаил Александрович рассказывал поэту о том, как ацтеки лепили из теста фигурку Вицлипуцли, в аллее показался первый человек.

Впоследствии, когда, откровенно говоря, было уже поздно, разные учреждения представили свои сводки с описанием этого человека. Сличение их не может не вызвать изумления. Так, в первой из них сказано, что человек этот был маленького роста, зубы имел золотые и хромал на правую ногу. Во второй — что человек был росту громадного, коронки имел платиновые, хромал на левую ногу. Третья лаконически сообщает, что особых примет у человека не было.

Приходится признать, что ни одна из этих сводок никуда не годится.

Раньше всего: ни на какую ногу описываемый не хромал, и росту был не маленького и не громадного, а просто высокого. Что касается зубов, то с левой стороны у него были платиновые коронки, а с правой — золотые. Он был в дорогом сером костюме,

в заграничных, в цвет костюма, туфлях. Серый берет он лихо заломил на ухо, под мышкой нес трость с черным набалдашником в виде головы пуделя. По виду — лет сорока с лишним. Рот какой-то кривой. Выбрит гладко. Брюнет. Правый глаз черный, левый почему-то зеленый. Брови черные, но одна выше другой. Словом — иностранец.

Пройдя мимо скамьи, на которой помещались редактор и поэт, иностранец покосился на них, остановился и вдруг уселся на соседней скамейке, в двух шагах от приятелей.

«Немец», — подумал Берлиоз.

«Англичанин, — подумал Бездомный, — ишь, и не жарко ему в перчатках».

А иностранец окинул взглядом высокие дома, квадратом окаймлявшие пруд, причем заметно стало, что видит это место он впервые и что оно его заинтересовало.

Он остановил взор на верхних этажах, ослепительно отражающих в стеклах изломанное и навсегда уходящее от Михаила Александровича солнце, затем перевел его вниз, где стекла начали предвечерне темнеть, чему-то снисходительно усмехнулся, прищурился, руки положил на набалдашник, а подбородок на руки.

— Ты, Иван, — говорил Берлиоз, — очень хорошо и сатирически изобразил, например, рождение Иисуса, сына Божия, но соль-то в том, что еще до Иисуса родился целый ряд сынов Божиих, как, скажем, финикийский Адонис, фригийский Аттис, персидский Митра. Коротко же говоря, ни один из них не рождался и никого не было, в том числе и Иисуса, и необходимо, чтобы ты, вместо рождения или, предположим, прихода волхвов, изобразил нелепые слухи

об этом приходе. А то выходит по твоему рассказу, что он действительно родился!..

Тут Бездомный сделал попытку прекратить замучившую его икоту, задержав дыхание, отчего икнул мучительнее и громче, и в этот же момент Берлиоз прервал свою речь, потому что иностранец вдруг поднялся и направился к писателям.

Те поглядели на него удивленно.

— Извините меня, пожалуйста, — заговорил подошедший с иностранным акцентом, но не коверкая слов, — что я, не будучи знаком, позволяю себе... но предмет вашей ученой беседы настолько интересен, что...

Тут он вежливо снял берет, и друзьям ничего не оставалось, как приподняться и раскланяться.

«Нет, скорее, француз...» — подумал Берлиоз.

«Поляк?...» — подумал Бездомный.

Необходимо добавить, что на поэта иностранец с первых же слов произвел отвратительное впечатление, а Берлиозу скорее понравился, то есть не то чтобы понравился, а... как бы выразиться... заинтересовал, что ли.

— Разрешите мне присесть? — вежливо попросил иностранец, и приятели как-то невольно раздвинулись; иностранец ловко уселся между ними и тотчас вступил в разговор.

— Если я не ослышался, вы изволили говорить, что Иисуса не было на свете? — спросил иностранец, обращая к Берлиозу свой левый зеленый глаз.

— Нет, вы не ослышались, — учтиво ответил Берлиоз, — именно это я и говорил.

— Ах, как интересно! — воскликнул иностранец.

«А какого черта ему надо?» — подумал Бездомный и нахмурился.

— А вы соглашались с вашим собеседником? — осведомился неизвестный, повернувшись вправо к Бездомному.

— На все сто! — подтвердил тот, любя выразаться вычурно и фигурально.

— Изумительно! — воскликнул непрощенный собеседник и, почему-то воровски оглянувшись и приглушив свой низкий голос, сказал: — Простите мою навязчивость, но я так понял, что вы, помимо всего прочего, еще и не верите в Бога? — Он сделал испуганные глаза и прибавил: — Клянусь, я никому не скажу.

— Да, мы не верим в Бога, — чуть улыбнувшись испугу интуриста, ответил Берлиоз, — но об этом можно говорить совершенно свободно.

Иностранец откинулся на спинку скамейки и спросил, даже привизгнув от любопытства:

— Вы — атеисты?!

— Да, мы — атеисты, — улыбаясь, ответил Берлиоз, а Бездомный подумал, рассердившись: «Вот прицепился, заграничный гусь!»

— Ох, какая прелесть! — вскричал удивительный иностранец и завертел головой, глядя то на одного, то на другого литератора.

— В нашей стране атеизм никого не удивляет, — дипломатически вежливо сказал Берлиоз, — большинство нашего населения сознательно и давно перестало верить сказкам о Боге.

Тут иностранец отколол такую штуку: встал и пожал изумленному редактору руку, произнеся при этом слова:

— Позвольте вас поблагодарить от всей души!

— За что это вы его благодарите? — заморгав, осведомился Бездомный.

— За очень важное сведение, которое мне, как путешественнику, чрезвычайно интересно, — многозначительно подняв палец, пояснил заграничный чужак.

Важное сведение, по-видимому, действительно произвело на путешественника сильное впечатление, потому что он испуганно обвел глазами дома, как бы опасаясь в каждом окне увидеть по атеисту.

«Нет, он не англичанин...» — подумал Берлиоз, а Бездомный подумал: «Где это он так наловчился говорить по-русски, вот что интересно!» — и опять нахмурился.

— Но, позвольте вас спросить, — после тревожного раздумья заговорил заграничный гость, — как же быть с доказательствами бытия Божия, коих, как известно, существует ровно пять?

— Увы! — с сожалением ответил Берлиоз. — Ни одно из этих доказательств ничего не стоит, и человечество давно сдало их в архив. Ведь согласитесь, что в области разума никакого доказательства существования Бога быть не может.

— Bravo! — вскричал иностранец. — Bravo! Вы полностью повторили мысль беспокойного старика Иммануила по этому поводу. Но вот курьез: он начисто разрушил все пять доказательств, а затем, как бы в насмешку над самим собою, соорудил собственное шестое доказательство!

— Доказательство Канта, — тонко улыбнувшись, возразил образованный редактор, — также неубедительно. И недаром Шиллер говорил, что кантовские рассуждения по этому вопросу могут удовлетворить только рабов, а Штраус просто смеялся над этим доказательством.